

— Шевелись!

— Веди себя смирно! Не глазей по сторонам! Чёрт, тьфу!

Заключённые в тюрьме стояли в ряд, по обе стороны от них — здоровенные надзиратели.

— Каждый называет мне своё имя и получает табличку с номером камеры!

Заключённые замерли и по очереди назвали имена.

— Цзи Гуанчжи.

Надзиратель взглянул в список и нетерпеливо махнул электрошокером:

— Камера 301, быстро, быстро, не тупи, мать твою!

Этот арестант взял табличку и с ухмылкой направился прочь.

Надзиратель недовольно зыркнул на него, включил электрошокер на полную мощность и ударил его.

— А-а-а-а!!!

Мужчина взвизгнул, словно свинья под Новый год, и, обмочившись, бросился прочь.

Вокруг раздался хохот.

— Следующий!

...

Скоро должна была подойти очередь Сы Цзина.

Он, как перепел, опустил голову, до смерти боясь, что палка, искрящая синим светом, ударит его.

Лицо Сы Цзина побелело — от одного удара он, чего доброго, и не встанет.

— Следующий! Белобрысый, как тебя зовут? Не вынуждай меня бить —

Надзиратель на полуслове оборвал свою нетерпеливую тираду.

— Сы Цзин... Меня зовут Сы Цзин.

Услышав голос надзирателя, Сы Цзин рефлекторно поднял голову. Его голос был нежен, как вода.

А затем...

Электрошокер, который надзиратель уже занёс для удара, застыл в воздухе. Адамово яблоко надзирателя медленно дёрнулось.

До чего же красивый человек!

Так прекрасен, что и не различишь, мужчина это или женщина. Даже простая арестантская роба не могла умалить ни капли его красоты.

Серебряные волосы, белоснежная кожа, розовые глаза, алые губы — каждое движение дышало неземной грацией.

Хоть он и был уже заключённым, надзирателю достаточно было одного взгляда, чтобы понять — это точно не его вина!

Его точно подставили!

Кто же это сделал, просто подлец! Сжали сердце и отправил такую безупречную красоту в тюрьму?

Да разве мог он быть в чём-то виноват?

— Господин, не могли бы вы отдать мне мою табличку?

Сы Цзин протянул руку и осторожно взглянул на надзирателя.

Почему он не даёт табличку? Неужели что-то не так?

И другие заключённые вокруг тоже стали какими-то странными...

В тот миг, когда Сы Цзин поднял голову, комната, ещё недавно шумная, погрузилась в мёртвую тишину.

Сы Цзин почувствовал на себе десятки обжигающих взглядов, бесцеремонно ощупывавших его.

И среди этого множества взглядов один был особенно леденящим и пронизывающим до костей.

У него возникло ощущение, будто его взяла в клещи какая-то ядовитая хладнокровная тварь.

Здесь арестанты были крепкими, мускулистыми, от них разило потом.

Сы Цзину стало не по себе. Ему хотелось поскорее добраться до своей камеры и отсидеться там.

Едва Сы Цзин заговорил, надзиратель мгновенно пришёл в себя.

Тот, кто только что был лютым зверем, теперь едва ворочал языком:

— А... а, сейчас посмотрю, Сы Цзин... Камера 719.

С этими словами он достал табличку Сы Цзина.

— Спасибо.

Протягивая табличку, он случайно коснулся руки Сы Цзина.

Мягкая, тёплая, на ощупь — как вата.

Надзиратель отдернул руку, будто обжёгшись.

А когда пришёл в себя, Сы Цзин уже отошёл на порядочное расстояние.

Неповторимый, тонкий аромат жасмина, принадлежавший только ему, всё ещё витал у надзирателя под носом.

Надзиратель крикнул вдогонку этой изящной, прямой фигуре:

— Господин Сы, идите помедленнее, не поскользнитесь.

Сы Цзин вежливо кивнул:

— Понял, спасибо вам.

Надзиратель чуть не лишился чувств от счастья. Вытянув шею, он провожал взглядом спину Сы Цзина, пока та не исчезла из виду.

Он решил, что сегодняшнее решение привести новичков в тюрьму было самым правильным в его жизни.

Только когда Сы Цзин ушёл достаточно далеко, надзиратель наконец вернул себе прежний раздражённый вид.

Его бесили взгляды, которыми эти смертники провожали Сы Цзина!

Надзиратель взмахнул электрошокером, ткнул им в толпу арестантов и рявкнул:

— Следующий! Хватит пялиться, мать вашу! Вы что, достойны?

— Мэй Сунсюэ.

Худощавый заключённый, опустив голову, хриплым голосом назвал себя и протянул тонкую руку, принимая свою табличку.

Надзиратель махнул рукой:

— Мэй Сунсюэ, 719.

Парень кивнул и пошёл прочь. Походка его была нетвёрдой.

Надзиратель сплюнул ему вслед.

Тоже мне, товар! Тощий, как обезьяна. погоди, зайдёшь — тебя там в задницу трахнут!

Везёт же ублюдку — оказаться в одной камере с господином Сы.

Надзиратель прямо-таки сгорал от желания скинуть форму, напаялить арестантскую робу и отправиться в 719-ю отбывать срок.

Что это за тюрьма? Чем не рай?

А, есть разница — в раю нет Сы Цзина.

Тем временем Сы Цзин, выйдя из комнаты для регистрации, наконец-то попал внутрь тюрьмы.

Только сейчас он по-настоящему осознал, что стал заключённым.

Высокие бетонные стены вокруг, увитые проводами высокого напряжения, — даже муха не вылетит.

В центре — огромный двор с простыми спортивными снарядами.

Вокруг двора — поднимающиеся уступами ступени, где арестанты могли сидеть небольшими группами и отдыхать.

Камеры располагались в семиэтажном здании-колодце мрачных тонов, усеянном частыми маленькими окошками.

Были балконы, но всё равно выглядело угнетающе.

Этажи с первого по седьмой распределялись по степени опасности заключённых и тяжести их преступлений — убывая снизу вверх.

Проще говоря, на нижних этажах сидели безумные, жестокие, кровожадные типы.

В тюремной среде, где выживает сильнейший, они были абсолютными доминаторами.

А чем выше этаж, тем легче было таких арестантов забить, тем более маргинальными они считались.

На высоких этажах тяжело подниматься и спускаться, и грязной работы доставалось больше.

Иногда время прогулки составляло всего десять минут, а на дорогу с седьмого этажа до первого и обратно уходило семь-восемь.

Сейчас было не время прогулки, и большинство арестантов толпилось на балконах.

Сы Цзин опустил голову и покорно шёл, не глаза по сторонам.

Арестанты видели только его тонкую, как бамбуковая тростинка, фигуру и белые, как снег, волосы.

Кто-то издали свистнул ему вслед:

— Эй! Новенький?

— Подними голову, дай брату посмотреть! Если брату понрависься, будешь под моей защитой в тюрьме!

— Гляньте на его волосы, как у чудища! Может, он больной какой?

Кто-то внизу сплюнул и расхохотался:

— Катись ты к чёрту! А если и больной — ты бы что, побрезговал?

Тот промолчал, только захихикал.

Побрезговал? Да ни за что!

Одни только эти стати, эта тонкая талия, нежная, как ивовый прутик, чего стоят!

В этой безнадёжной тюрьме не хватало именно таких.

Слабых, худых, неспособных дать отпор.

Все тут мужики, всем здесь до конца жизни гнить.

Никаких моральных терзаний, когда развлекаешься.

Умрёт или покалечится — неважно, выкинут в море — и делу конец.

Сы Цзин пропускал эти гнусные речи мимо ушей. Он с детства рос в среде, где никогда не сталкивался с подобными людьми.

Он не знал, как реагировать. Его тело мелко дрожало, выглядел он до жалкого несчастным.

Но мужчины этого не видели.

Он быстро поднялся по лестнице и так же быстро нашёл свою камеру.

Добравшись до седьмого этажа, он запыхался и тяжело дышал. К счастью, пройдя несколько шагов, он увидел перед собой яркую табличку «719».

Патрульный надзиратель сразу заметил его, болтающегося по коридору.

Он большими шагами подлетел к нему, размахивая электрошокером:

— Стоять!

Сы Цзин тут же замер. Он ещё не забыл, как от этой палки люди визжат, как резанные свиньи.

Это было ужасно неэлегантно.

Поэтому он предпочёл послушно замереть и покорно дожидаться, пока надзиратель подойдёт.

Рука, сжимавшая табличку, от волнения взмокла. Он прорепетировал в уме фразу, которую скажет через несколько секунд.

Когда сапоги надзирателя остановились прямо перед ним, Сы Цзин всё равно вздрогнул всем телом.

Он вытянул руки вперёд, обеими ладонями протянул табличку, поднял голову и торопливо выпалил:

— Здравствуйте, я новенькая табличка, это моя Сы Цзинь!

—

А, чёрт. Перепутал.

<http://bllate.org/book/19060/1871552>